

ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Анализируя реализацию принципов уголовного судопроизводства в ходе производства следственных действий при расследовании уголовных дел, в первую очередь необходимо обратить внимание на то, что ни прежде, ни новое уголовно-процессуальное законодательства не закрепляли определения самого понятия «следственное действие». В п. 19 ст. 5 УПК РФ дается лишь определение понятия «неотложные следственные действия»: если неотложность объяснить исключительно моментом его производства — «после возбуждения уголовного дела до передачи уголовного дела следователю», то можно лишь допускать понимание следственного действия как действия, производимого после возбуждения уголовного дела органом дознания и следователем в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих закрепления, изъятия и исследования. Безусловно, такое понимание следственного действия не согласуется ни с теорией уголовно-процессуального права, ни с назначением уголовного судопроизводства.

В литературе в разные годы предлагались разные варианты научного и законодательного определения понятия «следственное действие». Многие авторы анализируют познавательную и процессуальную сущность действий защитника, связанных с получением новых доказательств по уголовному делу.

Подвергая анализу ст. 74 УПК РФ, в которой определены понятия доказательств и их источников, можно обратить внимание на явное несовершенство указанной нормы, особенно если ее сопоставлять с требованиями ст. 75 УПК РФ. В соответствии с ч. 2 ст. 74 УПК РФ (п. 5) в качестве доказательств допускаются также и протоколы следственных и судебных действий. Например, если в отношении таких источников, как показания потерпевшего и свидетеля (п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ), закон устанавливает конкретные критерии их недопустимости, что касается указанных протоколов, в ст. 75 УПК РФ ничего не сказано. В целях реализации системы принципов, и в первую очередь таких как состязательность, презумпция невиновности, обеспечение обвиняемому права на защиту, необходимо законодательное закрепление критериев

* © Газетдинов Н.И., 2010

Газетдинов Наиль Исдамович — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского государственного университета

недопустимости указанных источников доказательств. С нашей точки зрения, в качестве таких критериев должны быть признаны, в частности, отсутствие подписи допрашиваемого лица на протоколе следственного действия, отсутствие отметки о разъяснении прав и обязанностей допрашиваемому и иным участникам следственных действий, нарушение закона, регламентирующего продолжительность допроса и т. п.

Очень часто защитники и адвокаты-представители сталкиваются с неточной и неправильной записью, порой искажающей сущность заданных вопросов и полученных на них ответов в протоколе судебного заседания. Одним словом, председательствующий «подгоняет» протокол под вынесенный им приговор. Замечания на протокол судебного заседания в порядке ст. 260 УПК РФ часто бесосновательно отклоняются. Что делать в этой ситуации защитнику или прокурору?! Если, заранее предусмотрев такую опасность, использовать с разрешения председательствующего звукозапись – этим защитник может испортить судьбу своего подзащитного, а такая опасность вполне реальна.

Как известно, в судопроизводстве иногда решающее значение имеет не только одно слово, но и запятая. Поэтому мы предлагаем в ст. 259 УПК РФ внести изменения, в которых предусмотреть обязательность записи заданных вопросов и полученных на них ответов в ходе судебного следствия всех участников, предусмотреть возможность письменного изложения предложений участников судебного разбирательства по существу обвинения, как это было по ст. 298 УПК РСФСР, и по ходатайству защитника приобщить к протоколу судебного заседания его выступления в прениях.

Безусловно, для точности и полноты протокола и недопущения подтасовки показаний протокол не должен изготавливаться в течение трех суток после окончания судебного заседания (ч. 6 ст. 259 УПК РФ), а должна быть стенограмма, и у участников при продолжительных процессах должно быть право на ознакомление (ксерокопирование) части протокола по их просьбе. Значение протокола судебного заседания для пересмотра приговора в вышестоящих судебных инстанциях чрезвычайно важно.

В п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ действующее уголовно-процессуальное законодательство в качестве доказательств называет и иные документы. Такое определение доказательств ни в коей мере не соответствует назначению уголовного судопроизводства и противоречит требованиям всех остальных принципов уголовного судопроизводства. Такой упрощенный подход к определению доказательств приводит к нарушению не только принципов уголовного судопроизводства и уголовного права, но и в целом Конституции Российской Федерации и международных норм. Поэтому на практике в основе принятых следователем и судом решений перечисляются в качестве доказательств все «бумажки», какие только

есть в материалах уголовного дела. Например, перехваченная работниками ИВС записка; всякие рапорта, написанные кем только угодно и в основном до возбуждения уголовного дела; справка о судимости, когда судимость уже давно погашена, и т. п.

Таким образом, совершенно очевидна необходимость законодательного закрепления понятия следственного действия, определение на законодательном уровне всех существенных признаков данного процессуального действия и предусмотрение его как единственного источника собирания доказательств во всех стадиях уголовного судопроизводства. По нашему мнению, в качестве существенных признаков следственного действия в законе должно быть закреплено:

- производство его только по возбужденному уголовному делу;
- производство его только дознавателем, следователем, прокурором;
- следственное действие должно быть направлено на получение и проверку доказательств;
- производство только тех следственных действий, которые предусмотрены действующим уголовно-процессуальным законодательством в соответствии с требованиями, предъявляемыми ст. 164 УПК РФ и другими статьями, определяющими порядок производства конкретного следственного действия.

Эффективная реализация принципов уголовного судопроизводства в стадии предварительного расследования во многом зависит от соблюдения принципов при производстве следственных действий. Если анализировать производство следственных действий и их процессуальную регламентацию в интересующем нас аспекте, то необходимо отметить, что в этом вопросе есть немало проблем и пробелов, требующих своего разрешения. Отстаивая позицию относительно действия всех принципов уголовного судопроизводства на всех стадиях уголовного процесса, и в первую очередь это касается нового для современного российского уголовного процесса принципа состязательности, нужно отметить необходимость полного и полноправного участия стороны защиты при производстве следственных действий¹. В условиях отсутствия иной возможности, а именно реальных условий для собирания и представления доказательств, на переходном этапе от обвинительного, розыскного типа к состязательному типу уголовного процесса, такое решение является единственно возможным, безболезненным и более эффективным способом, хотя бы каким-то образом обеспечивающим реализацию принципа состязательности в этой стадии, и может стать фактором, стимулирующим эффективность реализации всех остальных принципов уголовного судопроизводства, включая и назначения уголовного судопроизводства.

При этом, по нашему мнению, участие защитника в производстве следственных действий должно быть закреплено в законе как его право, а не обязанность, и закон не должен содержать обязательность участия, ибо это привело бы к усложнению организации самого предварительного расследования. Отмечая неравенство процессуального положения в действующем уголовно-процессуальном законодательстве, И.Л. Петрухин подчеркивает: «уголовное преследование», осуществляемое дознавателем, следователем, начальником следственного отдела, прокурором, потерпевшим, частным обвинителем, которому активно содействуют оперативно-розыскные органы, образует мощный «обвинительный кулак», занесенный над обвиняемым, довольно часто лишенным свободы, и защитником, который процессуальных действий не проводит, поэтому ограничен в возможности собирания доказательств»² Для преодоления такого неравенства он предлагает ввести адвокатское расследование с возможным привлечением частных сыскных служб, но без проведения процессуальных действий, а также установить правило обязательного проведения того или иного следственного действия, если об этом ходатайствует защитник. При этом он не раскрывает, что собой представляет «адвокатское расследование» без проведения процессуальных действий. Что касается обязательности производства следственных действий по ходатайству защитника, учитывая нравственные, профессиональные качества и законодательное регулирование процессуального производства следственных действий и обвинительный уклон предварительного следствия, то такое предложение хотя и заслуживает одобрения, но оно может быть малоэффективным в силу того, что это вызовет конфликт между защитником и следователем. С учетом вышеназванных факторов адвокаты в некоторых случаях, даже при наличии веских оснований для заявления ходатайства о проведении того или иного следственного действия, ходатайства об этом не заявляют, опасаясь утраты доказательственного значения результатов этих следственных действий в результате контрдействий со стороны следователя, поскольку обвинительный уклон, спрос за раскрываемость преступлений со следователя порождает у него желание раскрывать преступления во что бы то ни стало и не всегда только за счет оценки собранных доказательств, вопреки принципу презумпции невиновности, иногда даже и за счет фальсификации доказательств. Поэтому такие ходатайства, как правило, они заявляют в суде.

Безусловно, сама по себе возможность участия в производстве следственных действий может быть эффективным средством реализации принципов уголовного процесса, обеспечивающим защиту прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства лишь при условии закрепления за ними на законодательном уровне необходимых процессуальных прав. Если их статус при производстве следственных

действий будет определяться аналогично первоначальной редакции ч. 5 ст. 189 УПК РФ — право свидетеля являться на допрос с адвокатом, у которого не было даже права задавать вопросы, то такое участие практически никакого значения иметь не будет. Права защитника при производстве каждого следственного действия должны быть конкретизированы с учетом специфики того или иного следственного действия. В этом плане более удачным как по УПК РСФСР (ст. 185), так и по УПК РФ (ч. 1 ст. 198) следует признать совокупность прав обвиняемого и его защитника, предоставленную им при назначении и производстве судебной экспертизы. Но при этом необходимо отметить, что по изученным нами 500 уголовным делам в 412 из них проводились различные виды экспертиз, но постановления о назначении экспертизы в 48 % случаях предъявлялись для ознакомления лишь после производства экспертиз и, как правило, одновременно с заключением эксперта. Такой подход к реализации соответствующего требования уголовно-процессуального закона нужно также расценивать как проявление обвинительного уклона на предварительном следствии, а полученные таким образом доказательства должны быть признаны недопустимыми.

Для реализации системы принципов уголовного судопроизводства на предварительном следствии огромное значение имеет не только вопрос о процессуальном положении защитника при производстве следственных действий, но и сама регламентация производства конкретного следственного действия. Безусловно, особое значение при производстве следственных действий имеет соблюдение принципа законности. При этом напомним, что нарушение любого принципа непременно влечет за собой нарушение принципа законности. Требования принципа законности, закрепленные в ст. 7 УПК РФ, в части, касающейся стадии предварительного расследования, изложены в частях 3 и 4 этой статьи. В ч. 3 ст. 7 УПК РФ содержится положение о том, что нарушение норм УПК РФ судом, следователем, органом дознания или прокурором в ходе уголовного судопроизводства влечет за собой признание недопустимыми полученных таким путем доказательств, т. е. в данной норме речь идет о действии принципа законности применительно к уголовно-процессуальному доказыванию, т. е. о законности уголовно-процессуального доказывания. Процесс доказывания в соответствии со ст. 85 УПК РФ представляет собой процесс собирания проверки и оценки доказательств. В соответствии со ст. 75 УПК РФ к недопустимым доказательствам относятся доказательства, полученные с нарушением требований УПК. Они не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

В уголовно-процессуальном законе в ч. 2 ст. 75 УПК РФ предусмотрены основания признания доказательств недопустимыми и виды недопустимых доказательств. Если первые два пункта ч. 2 ст. 75 уже содержат конкретные доказательства, которые признаются недопустимыми, то в п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ указаны иные доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ.

Вполне очевидно, что в законе нельзя дать перечень всех нарушений, при наличии которых доказательства должны быть признаны недопустимыми, и в то же время также очевидно, что такая довольно свободная трактовка при сложившейся судебной практике и в условиях отсутствия подлинной состязательности не соответствует назначению уголовного судопроизводства.

Примечания

¹ См. об этом более подробно: Газетдинова Н.И. Адвокатура и адвокатская деятельность в России. История и современность. Казань, 2003. С.185–189.

² Судебная власть / под ред. И.Л. Петрухина. М., 2003. С. 636.

*А.Ю. Шапошников, И.А. Шапошникова**

ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ ДОСТОВЕРНОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ИЛИ ЦЕНА ОШИБКИ

Errare humanum est

В соответствии с ч. 1 ст. 88 УПК РФ, устанавливающей правила оценки доказательств, каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности — достаточности для разрешения уголовного дела. Вместе с тем в ст. 17 УПК указано, что судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью, и никакие доказательства не имеют заранее

* © Шапошников А.Ю., Шапошникова И.А., 2010

Шапошников Андрей Юрьевич — старший преподаватель кафедры криминалистики Самарского филиала Саратовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, подполковник милиции

Шапошникова Ирина Анатольевна — адвокат Палаты адвокатов Самарской области, коллегия адвокатов «Эгида»